

Вэнь Жунь увидел Чэнь Сюя на следующий день. Мальчик был одет в новую одежду, которую мать сшила ему за ночь: тёплый халат из натуральной тонкой хлопковой ткани и на ногах — плотные хлопковые сапоги с многослойной подошвой.

Он стоял, словно юный господин, а вовсе не как слуга.

Особенно поражала его внешность!

Вэнь Жунь даже удивился:

— Да ты, юноша, совсем оживился!

— Господин, — голос Чэнь Сюя звучал ещё по-детски, но сам он был необычайно красив — с чертами, в которых трудно было различить мужское или женское начало. Сейчас он ещё мал, но вырастет — точно станет красавцем!

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь. — Будешь в моём кабинете: приберёшь, приготовишь чернила. А когда я буду заниматься с детьми, можешь слушать заодно. Знания лишними не бывают.

Глядя на такого мальчика, Вэнь Жуню даже стало немного неловко: использовать ребёнка в качестве работника... Этот паренёк явно не из тех, кто рождён для прислуги — в нём чувствовался настоящий потенциал. Жаль было бы, если бы он остался навсегда в положении слуги.

Вэнь Жунь решил, что постарается дать ему как можно больше знаний. Вдруг в будущем удастся снять с него статус низшего сословия? Тогда он сможет стать полноценным человеком — хоть управляющим в лавке, хоть кем угодно!

— Спасибо, господин! — обрадовался Чэнь Сюй и улыбнулся. Даже сейчас, в детстве, он уже был настоящим красавчиком. А вырастет — красота будет просто нечеловеческой!

Теперь Вэнь Жунь понял, почему в «человеческом рынке» жена Чэнь Цяна никогда не позволяла сыну поднимать голову и специально замазывала ему лицо пылью.

Такого ребёнка обязательно нужно было прятать и беречь.

Зато здесь, в Ляньхуаао, всё иначе: глухое место, да ещё и в глубине усадьбы, где почти никто не бывает. Никто не увидит мальчика — можно спокойно жить.

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь и повёл его в класс.

Дети уже собрались. Утром они сначала читали вслух «Наставления для учеников» («Дицзы гуй»), а потом делились на две группы: младшую и старшую.

Младшие писали задания, а старшие слушали лекции Вэнь Жуня.

На самом деле занятия пока были очень простыми: обучение грамоте по «Трёх классическим текстам» — «Саньцзыцзин» («Трёхсложный канон»), «Байцзясин» («Сто фамилий») и «Цяньцзывэнь» («Тысячесловный текст»). Младшая группа пока изучала только «Саньцзыцзин» и «Байцзясин», а старшая — уже «Цяньцзывэнь».

Сегодня Вэнь Жунь выучил с ними шестнадцать новых иероглифов. Сначала дети учили их читать, потом — писать. У крестьянских детей не было хороших условий: писали все одной кисточкой на пачке дешёвой соломенной бумаги. Когда они освоили написание, Вэнь Жунь обещал выдать им лучшую бумагу — бамбуковую, какую обычно используют на юге. А когда письмо станет уверенным, он предложит родителям купить полноценный «Четыре сокровища кабинета» (бумагу, кисть, чернильницу и точильный камень).

Хотя Вэнь Жунь и не брал платы за обучение («щусю»), семьи всё равно приносили небольшие подарки — хоть как знак благодарности.

Пока дети учились писать новые иероглифы (включая Чэнь Сюя), Вэнь Жунь заглянул к младшей группе проверить тетради. Дети занимались очень старательно. В отличие от «медвежат» из его прошлой жизни, эти ребята ценили возможность учиться и вели себя тихо и послушно.

По обычаю крестьянских семей, в деревне обычно ели два раза в день, но в доме Ванов придерживались трёхразового питания. На обед детям давали по одному яйцу, два кусочка каштанового пирожного и чашку каши из лотосовых зёрен.

Еды было немного, но этого хватало, чтобы дети ели с удовольствием!

Перед заходом солнца они возвращались домой.

Когда Вэнь Жунь попал сюда, Дуанью (праздник лодок-драконов) прошёл в полусне, а Чжунцю (праздник середины осени) — в суете. Теперь же, после Чунъян (праздника двойной девятки), уборка урожая завершилась, и Вэнь Жунь, как пчёлка, носился туда-сюда. Но теперь, наконец, можно было немного передохнуть.

Наступил ноябрь. Уже первого числа стало очень холодно, а к вечеру второго дня температура резко упала.

К рассвету землю покрыл тонкий слой инея, небо затянуло тучами, и после восхода солнца так и не показалось — только серые облака.

Вэнь Жунь, тепло одетый, проводил занятия во временной школе, разделив детей на две группы.

Старшие (примерно десятилетние) учились читать и писать, чтобы в будущем найти хорошую работу. Младшие закладывали основы с раннего возраста — возможно, кто-то из них в будущем пойдёт на императорские экзамены.

Вэнь Жунь вкладывал в обучение душу. Он даже заказал у плотника счёты для детей.

Пока счёты ещё не готовы, он учил их распознавать иероглифы и цифры. При этом он сразу ввёл арабские цифры, обучал сложению и вычитанию, а также заставлял заучивать таблицу умножения.

Младшая группа изучала более простые вещи: «Три классических текста» («Саньбайцянь» — «Саньцзыцзин», «Байцзясин», «Цяньцзывэнь») и распознавание иероглифов.

Уже наступил десятый лунный месяц, на улице стало холодно, и ходили слухи, что в одиннадцатом месяце пойдёт снег.

Вэнь Жунь велел работникам сходить в горы и наносить дров. Он также планировал на следующий день съездить в уездный город, чтобы закупить древесный уголь — зимой нельзя допустить, чтобы дети или домочадцы замёрзли.

И вот, торговцы из города сами привезли пять повозок древесного угля и три повозки каменного угля.

В этом году в Ляньхуаао жилось особенно хорошо: налоги и повинности были записаны на имя Вэнь Жуня, что не только избавило всех от хлопот, но и позволило сэкономить деньги.

Вэнь Жунь предупредил домашних:

— Будьте осторожны, когда топите печи, углём или дровами — особенно ночью! Не отравитесь угарным газом.

— Поняли, господин, не волнуйтесь! — заверил его Лю Лаосань. — Мы очень внимательны. Да и ночью печку не топим — от печей-канов и так тепло, совсем не холодно.

Лю Лаосань вместе с двумя младшими братьями сходил в горы и наносил сухих веток. Вместе с уже имеющимися запасами дров хватит на всю зиму.

Во временной школе Вэнь Жунь поставил посреди двух классов по небольшой печке. На них можно было кипятить воду, а когда они разогрелись, обе комнаты становились тёплыми —

чтобы дети не мёрзли во время занятий.

Кипяток также давали детям пить. Чай им пить нельзя — маленьким детям полагается только кипячёная вода.

Иногда кто-нибудь из родителей приносил горсть сушёных фиников или сухофруктов, варили их в воде — и все дети были в восторге.

Жизнь шла спокойно и размеренно, и Вэнь Жуню было по-настоящему уютно на душе. Увы, это спокойствие продлилось недолго — вскоре появились незваные гости.

Был пятнадцатый день месяца, и по обычаю Вэнь Жунь дал детям выходной.

Накануне выпал снег, и тётя Цуйхуа заранее зарубила и заморозила всех домашних птиц — гусей, уток, петухов — чтобы зимой есть понемногу.

Сегодня на обед подали «яньдусянь» (суп из свежего и солёного бамбука с мясом), тушеное мясо с тофу и куриный суп с бамбуковыми побегами.

А у жены Чэнь Цяна был обычай в пятнадцатый день есть постную пищу, поэтому утром они с сыном ели пельмени с начинкой из тофу, салат из капусты и кашу из красной фасоли.

Только они закончили завтрак, как Вэнь Жунь повёл троих детей прогуляться по двору. Снег уже убрали и свалили в кучи.

— Может, слепим снеговика? — предложил Вэнь Жунь, глядя на сугробы.

— Не хочу! Холодно! — первой возразила Ван Мэй, энергично замотав головой, будто бубенчик. Раньше зимой ей всегда было холодно, и хотя в этом году дома было тепло, играть в снег она всё равно отказывалась.

Ведь от снега можно простудиться, заболеть — а лечение стоит денег. А у семьи Ван раньше не было денег на лекарства, и это было страшно.

Поэтому дети Ванов зимой почти не выходили на улицу — боялись замёрзнуть и заболеть.

Старшие братья тоже не проявляли интереса к играм — они просто держали сестру за руки и неторопливо гуляли, а не резвились.

Вэнь Жунь только почесал нос:

— Ну ладно, не будем... Мы...

Он не договорил — вдруг раздался громкий стук в главные ворота: «Бум-бум-бум!»

Чэн Лаову — самый крепкий и широкоплечий из шестерых работников (за время обильного питания он ещё больше располнел и выглядел ещё внушительнее) — пошёл открывать.

Но он приоткрыл лишь узкую щёлку.

Все в деревне знали: в дом Ванов обычно не ходят через главные ворота. Во-первых, высокий порог — неудобно входить и выходить; во-вторых, ворота тяжёлые, и открывать их каждый раз — лишняя трата сил.

Вэнь Жунь специально устроил маленькую калитку с восточной стороны — все, включая детей, ходили туда и обратно оттуда. Это было удобно.

Калитка была немного скрыта, да и в будущем там планировалось строить школу, так что формально это место уже считалось частью усадьбы. Но для посетителей — самое удобное место входа!

Значит, тот, кто стучит в главные ворота, — явно чужак.

— Кто там? — спросил Чэн Лаову через щель.

— Это дом семьи Ван? — раздался грубый голос.

— Да. А вы кто? — Чэн Лаову сразу насторожился: незнакомцы, да ещё и с таким вызывающим видом! Он тоже стал резким.

Это ведь дом господина-цзюйжэня! Как можно так себя вести?

Гости выглядели так, будто пришли требовать долг — лица пылали гневом, будто семья Ванов чем-то перед ними провинилась.

Их было трое: двое мужчин и женщина.

Один мужчина явно был извозчиком — рядом стояла открытая повозка без навеса, типичная для местных возчиков.

Другие двое, судя по всему, были супругами: мужчина поддерживал женщину. В обществе того времени только супруги или брат с сестрой могли так себя вести на улице — иначе это сочли

бы нарушением нравственности.

А раз они не похожи лицами — значит, точно муж и жена, а не родственники.

— Вэнь Жунь дома? Пусть выходит! — мужчина чуть ли не кричал от ярости, а женщина с ненавистью смотрела на ворота. Кажется, они уже готовы были ворваться внутрь, если бы не массивные створки.

Такой тон и наглость заставили Чэн Лаову нахмуриться:

— Вы вообще кто? Хотите видеть господина Вэня — назовите имя! Как я без имени доложу?

Чужаки, грубияны! Хотя одеты неплохо, но явно не учёные. Настоящий учёный — как господин Вэнь: вежливый, сдержанный. А эти — неизвестно откуда явились, сразу требуют встречи с господином! Не так-то просто это будет!

— Господин Вэнь? — пара переглянулась, явно удивлённая.

— Разве Вэнь Жунь не вышла замуж за солдата? — почти хором воскликнули они. — Откуда тут «господин»?

— Господин Вэнь — цзюйжэнь, — холодно ответил Чэн Лаову. — Даже если он и вышел замуж, он остаётся господином-цзюйжэнем!

Ему стало обидно. Да, Вэнь Жунь пришел в дом Ванов по браку, но все в деревне уважали его. О браке редко кто упоминал — все и так понимали. А Вэнь Жунь искренне считал дом Ванов своим домом. Достаточно посмотреть на троих детей: они уже совсем не похожи на крестьянских ребятишек — скорее, на юных господ из богатого дома. Вэнь Жунь даже специально нанял прислугу, чтобы за ними ухаживали.

Правда, Вэнь Жунь никому не говорил, что жена Чэнь Цяна — купленная слуга. Он представил её как нанятую няню. И действительно, жена Чэнь Цяна отлично справлялась с детьми, а тётя Цуйхуа занималась исключительно кухней.

Две женщины — тётя Цуйхуа и жена Чэнь Цяна — вместе стирали бельё и убирали в доме.

За внешний двор и всю тяжёлую работу отвечали долгосрочные работники.

Кабинет Вэнь Жуня убирал Чэнь Сюй. Дети же сами справлялись с мелочами: одевались после сна, умывались и так далее.

При этом трое детей вели себя очень вежливо: несмотря на то, что работники были слугами, они никогда не позволяли себе приказного тона. Напротив, при встрече они всегда кланялись и называли их «дядя Чэн Сань», «дядя Чэн У» и так далее — никогда не обращались по имени напрямую.

Всё это — заслуга воспитания господина Вэня!

Говорили, что после Нового года начнётся обучение арифметике. Даже если из детей не выйдет суйцай («цветущего таланта»), они всё равно смогут стать приказчиками или счетоводами — уж точно лучше, чем всю жизнь копать в земле.

Работники ведь сами видели таких людей, когда нанимались в другие дома: приказчики — без сомнения, уважаемые господа, а уж счетоводы — так вообще живут в райских условиях!

Сидит себе, перебирает бусины счётов, пару строк внесёт в книгу, посчитает деньги... А в свободное время — сидит в беседке, пьёт горячий чай, щёлкает семечки, и никто ему за это слова не скажет. Хозяин, увидев такого, даже поклонится и вежливо назовёт «учителем» («сяньшэн»).

Раньше Чэн Лаову мечтал стать счетоводом — но, увы, он не знал ни одного иероглифа, не умел водить пальцами по счётам и совершенно не понимал, как ведутся расчёты. Поэтому это оставалось лишь мечтой. А теперь его племянники — дети старших братьев — получили шанс учиться! Он от радости готов был прыгать. Такого доброго и заботливого господина, как Вэнь Жунь, невозможно не уважать!

А перед ним стояли явные негодяи!

Услышав, что Вэнь Жунь стал цзюйжэнем, пара переглянулась с изумлением:

— Он стал цзюйжэнем?! Почему никто не пришёл к нам домой с поздравлениями?

Когда Вэнь Жунь получил степень суйцай, чиновники приезжали верхом на высоких конях, а чиновники низшего звена громко били в гонги и барабаны, торжественно прибыв в деревню Вэньцзячжуан.

Тогда глава рода, староста деревни, уважаемые старейшины и родовые старосты так обрадовались, что напились до беспамятства!

Цзюйжэнь — это выше, чем суйцай, они это знали. Но не ожидали, что Вэнь Жунь действительно сдаст экзамены... Ведь когда он вышел замуж, ничего подобного не было!

— А вы вообще кто? — раздражённо бросил Чэн Лаову. — Если бы пришли поздравления, то пришли бы сюда, в Ляньхуаао, в дом Ванов! Господин Вэнь вышел замуж и теперь — человек

семьи Ван! — И он уже собирался захлопнуть ворота. — Два придурка!

Он бы лучше промолчал — но, пробурчав это вслух, дал понять, что его слова услышали.

— Ты кого обзываешь?! — тут же вспыхнула женщина. — Слушай сюда! Мы — дядя и тётя Вэнь Жуня, его родственники по матери! Позови его, пусть выходит!

Пока она говорила, «тётя Вэнь» жадно разглядывала усадьбу.

Дом Вэнь Жуня был построен отлично, а фасад — и вовсе великолепен. Над воротами гордо висела табличка с надписью «Усадьба Ван», выведенной собственной рукой Вэнь Жуня древним стилем ханьского лиши — сдержанным, но изысканным.

Сами ворота были особенно красивы.

Вэнь Жунь выбрал стиль «цзиньчжу дамэнь» («ворота на золотых столбах»): одна комната во флигеле перед главным домом была оформлена как парадный вход. Отличие этого типа ворот в том, что створки крепятся не на наружных «цзяньчжу» («карнизных столбах»), а на внутренних «цзиньчжу» («золотых столбах»), расположенных ближе к центру здания, — отсюда и название.

Такие ворота могли использовать только обладатели степени цзюйжэня. Даже суйцаю это было запрещено.

Ведь суйцай не мог стать главой уезда или чиновником местной власти — максимум, что ему полагалось, — должность мелкого писца.

А цзюйжэнь имел право занять пост уездного начальника или даже префекта, управлять целым регионом. А уж если повезёт — мог и выше подняться... Говорили, что в предыдущей династии один цзюйжэнь дослужился даже до третьего ранга!

Поэтому такие «ворота на золотых столбах» мог использовать только Вэнь Жунь — другим это было строго воспрещено.

К тому же ворота были украшены с исключительным мастерством: в зависимости от пожеланий хозяина или традиций, резчики вырезали на них цветы, антикварные мотивы, узоры «ваньцзыцзинь» («бесконечный узор»), «цзюйхуацзинь» («хризантемовый узор»), «чжуе цзинь» («бамбуковый узор»), «муданьхуа» («пионы»), «динцзыцзинь» («узор из иероглифа “дин”»), «цао вань» («изогнутые травинки») и многие другие.

Сразу было видно: это не просто дом — это настоящая аристократическая усадьба!

<http://bllate.org/book/15642/1398055>